

АМИРХАНЫ АНАИТ МИХАЙЛОВНА

кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной литературы
Армянского государственного
педагогического университета имени Х. Абовяна
Ереван, Республика Армения

Anahit M. AMIRKHANYAN

Cand. Sci. (Russian Literature; Literature of the Peoples of the USSR),
Assoc. Prof., Department of Foreign Literature,
Armenian State Pedagogical University
Yerevan, Republic of Armenia
amirknan@yahoo.com

УДК 008:[94:821.161.1](395)

ГРНТИ 13.91

ВАК 24.00.01

**Культурно-исторический
и биографический контекст
пушкинской строфы
об «эриванских коврах»**

**The Cultural-Historical
and Biographical Context of Pushkin's
Stanza About "Erivan Carpets"**

В предлагаемой трактовке одной из важных смысловых линий стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов...» (1828) автор статьи настаивает на том, что эпитет «эриванские» («...Как эриванские ковры...») как географическая и историческая отсылка к мотиву пиршеств духа и ума выражает пушкинское понимание эпичности многовековых составляющих единого полотна крымского сюжета. Привлечены архивные документы, наброски, черновики и рукописи, письма, воспоминания и дневниковые записи современников поэта, свидетельствующие о том, что у данного мотива имелась и прямая биографическая основа: среди знакомых и близких поэту людей в лицейские годы (семейство Абамелек), в годы южной ссылки и еще до поездки в Арзрум были известные в столичных культурных кругах деятели армянского происхождения.

Ключевые слова: лирика А. С. Пушкина 1820-х гг., лицейский период, южная ссылка, окружение поэта, семейство Д. С. Абамелека, восточные мотивы, эриванские ковры, христианский контекст, культурная история Крыма.

«В прохладе сладостной фонтанов...» относятся к произведениям 1828 г., хотя первый публикатор этого текста П. Е. Щёголев считал такое приурочение не вполне достоверным, поскольку стихотворение известно по черновику и при жизни поэта не печаталось [13,

с. 321]. Позднее, в 1950-х гг., Н. В. Измайлов настоял на том, что «весь... текст, записанный в 2371 тетради, должен, ... на основании даты "4 ноября, Малинники" под перебеленной рукописью, датироваться самым концом октября 1828 г. Этим определяется и дата наше-

го стихотворения» [5, с. 129]. Исследователь раскрыл контекст поэтической зарисовки «В прохладе сладостной фонтанов...», связанный с личностью и произведениями Адама Мицкевича, попутно отметив, что известный пушкинист и историк русского революционного движения П. Е. Щёголев опубликовал в 1911 г. «стихотворение Пушкина, извлеченное им из черновой рукописи и до тех пор оставшееся неизвестным и незамеченным всеми издателями поэта — как потому, что текст наброска, написанный беглым, “черновым” почерком, очень запутан и трудно читается, так и потому, что В. Е. Якушкин в своем описании рукописей Пушкина случайно совсем пропустил этот лист тетради» [5, с. 125].

После того как предложенная П. Е. Щёголевым дешифровка труднейшего черновика была уточнена в 30-х годах, текст вошел в Академическое издание сочинений Пушкина в следующем виде:

*В прохладе сладостной фонтанов
И стен, обрызганных кругом,
Поэт, бывало, тешил ханов
Стихов гремучим жемчугом.*

*На нити праздного веселья
Низал он хитрою рукой
Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости златой.*

*Любили Крым сыны Саади,
Порой восточный краснобай
Здесь развивал свои тетради
И удивлял Бахчисарай.*

*Его рассказы расстилались,
Как эриванские ковры,
И ими ярко украшались
Гиреев ханские пиры.*

*Но ни один волшебник милый,
Владелец умственных даров,
Не вымышлял с такою силой,
Так хитро сказок и стихов,*

*Как прозорливый и крылатый
Поэт той чудной стороны,
Где мужи грозны и косматы,
А жены гуриям равны [9, т. 3, с. 78].*

Поскольку в труде П. Е. Щёголева даны пояснения к каждой строке этого стихотворения, приведем наиболее важные для нас фрагменты его комментария. «Стихи 13–18 потребовали от Пушкина продолжительной работы целого ряда зачеркиваний; не удовлетворившись частичными поправками, Пушкин зачеркивает все, относящееся к этим стихам. Стихи 13–14 прочитаны приблизительно. По-видимому, сначала было написано: “Его рассказам”; затем конец второго слова зачеркнут и вверху поставлено “ы” (форма слова *рассказа* заменена на *рассказы*. — А. А.). Стих 14. Первоначально: “как цареградские”, затем: “как наши пестрые» [13, с. 322]. По поводу последнего пояснения к 14-му стиху согласимся с тем, что в окончательной версии Пушкин выбрал «эриванские ковры», хотя упоминание Царегграда — цареградской, то есть привезенной из Царегграда, брони и цареградских ковров — встречалось в более ранних его вещах: «Руслан и Людмила» (1820), «Песнь о вещем Олеге» (1822).

В своем анализе рукописи стихотворения Н. В. Измайлов подчеркнул последовательность и ясность общего хода творческой работы, указав, что «колебания в выборе эпитетов ... представляют собою искания формы для выражения мысли, а не колебания в замысле» [5, с. 131]. Попытаемся найти еще ряд подтверждений тому, что выбор эпитета «эриванские» (вместо «цареградские» и «наши пестрые») был не случайным. Такие подтверждения можно найти, опираясь на жизненные впечатления и историко-культурные познания Пушкина, на фактологическую основу, которую дает в данном случае крымский фрейм, ведь круг и выбор тем, трактовку увиденного, жанровую специфику произведений зачастую определяла сама биография поэта.

Для пушкинской лирики двадцатых годов был «характерен жанр фрагмента» [10, с. 64], в котором отображение реальной действительности своеобразно сочеталось с мгновенностью переживаний: в жанре фрагмента Пушкин как бы уловил «нечто гораздо большее», чем «драматическая коллизия», в которой «заложено то, что составляет существо ... лирики» [1, с. 142]. Мы бы подчеркнули, что «В прохладе сладостной фонтанов...»,

имея особенности фрагмента исторического и автобиографического (эти варианты жанра существовали наряду с другими: фрагмент библейский, пейзажный, литературный), несет в себе некую догадку о целостности христианского пути.

Когда Пушкин в 1820-е гг. побывал в Крыму, в Феодосии, в его творчество органично вплелась крымская тема с ее реалиями. Заметим, в Крыму не только дома богатой знати, не только дворцы, но и церкви украшали коврами. Александр Сергеевич вполне мог заметить и оценить красоту эриванских ковров как традиционной части роскошного убранства.

История эриванских ковров — органичный компонент развития армянского декоративно-прикладного искусства, давно ставший всемирным наследием огромной культурной значимости. Это показано в изданной на русском и английском языках книге М. Казарян «Армянские ковры» (1985), где освещаются истоки возникновения ковровых промыслов, особенности рисунка, судьбы изделий, которые изготавливали мастера во всех исторических провинциях Армении с давних времен [6].

Известно, что история армян в Крыму насчитывает без малого две тысячи лет. Письменные источники гетуэцев, содержащие сведения о юго-востоке полуострова, называют эту часть *Armenia maritima* (Морская Армения) [14, с. 186]. По тем временам численность проживавших здесь армян была внушительной — от 150 до 500 тысяч. В приморских городах они славились торговлей и ремеслами, отличались в строительстве, военном деле, врачевании, искусстве, науке и образовании. В XIV–XV вв. армяне Крымского полуострова, управляя караванами, доставляли различные товары из азиатских стран в разные части северного побережья и дальше в Европу. Вопреки избиениям со стороны мусульман и гонениям за веру, Крым, Феодосия после распада армянской государственности оставались одним из центров развития и сохранения христианской, в том числе армянской культуры.

В рукописи Пушкина эпитеты «эриванские» и «цареградские» соседствуют и сравнение с расстилающимися узорчатыми коврами

является ключевым моментом характеристики эпических рассказов, которыми поэты («сыны Саади») сопровождали «Гиреев ханские пиры». В первой и второй строках нанизывание слов, полных мудрости и прозрачной лести, уподоблено «гремучему жемчугу ожерелий» и «четкам мудрости золотой». Данное в строфе четвертой сравнение более обширно и содержит обобщающую метафору (третий вариант эпитета — «наши пестрые» — опирается на целостное зрительное впечатление от многообразия узоров). Поэтические полотна расстилаются подобно эриванским (цареградским) коврам — прекрасным узорным полотнищам того края, где христианство было возвышено в ранг государственной религии. В этом смысле утверждение В. А. Мешкова о том, что словосочетание «эриванские ковры» не имеет «прямого отношения к Еревану и Армении» [8, с. 15] не может быть вполне справедливым.

Область армянская исторически и фактически, Эривань в начале XIX столетия, как и большая часть Великой Армении, граничившей с южными рубежами России, находилась под властью завоевателей-мусульман (кочевников, персов, турок). В исторически армянских областях ковроделие имело старинную традицию (вязка узлов, рисунки узоров и изображений), связанную и с выработкой специальных красителей на основе особой техники изготовления краски. Мы говорим о вордан кармир (армянской, или араратской кошенили), используемой при получении кармина — знаменитой пурпурной краски, которая применялась и для окрашивания ковровой нити, и для украшения книг миниатюрами, и для росписи на стенах церквей или на одежде. Техники изготовления этой краски были на грани исчезновения в первой половине XIX в.

Напомним о заключении мира после русско-персидской войны 1826–1828 гг. Подписание договора, в разработке которого участвовал А. С. Грибоедов и по которому населенные армянами территории Эриванского и Нахичеванского ханств Восточной Армении отошли к России, состоялось 10 (22) февраля 1828 г. Персия обязалась не чинить препятствий переселению армян из подвластных ей земель в пределы России (уместно напомнить

и то, что Туркманчайский договор стал подтверждением более раннего Гюлистанского договора 1813 г.). Живое реагируя на политические процессы в стране, в том числе и на факт присоединения Восточной Армении к России, Пушкин в фрагменте об «эриванских коврах» мог запечатлеть вполне современные геополитические реминисценции. Не только недавние политические события, но и гораздо раньше запавшие в душу ассоциации могли дать толчок к развитию соответствующей мотивной линии. Мы имеем в виду состоявшееся в 1815 г. знакомство Александра Пушкина с семьей Абамелек.

Давид Семенович Абамелек был участником и героем Отечественной войны 1812 г. Его дочери-красавице Анне Абамелек Пушкин посвятил стихотворение «В альбом кж. А. Д. Абамелек».

*Когда-то (помню с умилением)
Я смел вас нянчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели — с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношу
И вашей славою и вами,
Как нянька старая, горжусь*

[9, т. 2, с. 352].

Стихотворение написано 9 апреля 1832 г., когда Анну Абамелек назначили фрейлиной великой княгини Елены Павловны. Придворная красавица была известна и как талантливая переводчица, за год до пушкинского посвящения «В альбом...» она опубликовала свой перевод стихотворения «Талисман» на французский язык. В 1835 г. Анна Абамелек стала женой Ираклия Абрамовича Баратынского (брата известного поэта). Пушкин, на самом деле, «нянчил» княжну, когда ей было два-три года от роду, а сам он, юный лицеист, был частым гостем в семье Абамелеков [7, с. 109].

Дом этой семьи находился рядом с основанной Иваном (Ованесом) Лазаревым в 1771–1776 гг. Армянской Апостольской Церковью Святой Екатерины. Вокруг этой церкви, ставшей культурным центром петербургских армян, группировался и ряд светских учреждений: в 1780 г. открылась первая армянская типография, в 1800 г. — армянская

школа. Тот же Ованес Лазарев в 1783 г. построил на Васильевском острове храм Армянской Церкви Святого Воскресения Христова, освященный в 1797 г. И рядом, по прошению Стефана Лорис-Меликова, указом Екатерины II в 1791 г. было выделено место для армянского кладбища.

Князь Давид Семенович Абамелек был просвещенным человеком, «знал несколько языков, в том числе грузинский и родной армянский, и по решению Давида Семеновича и Марфы Иоакимовны (урожд. Лазаревой) все дети Абамелеков обучались, среди прочих, и армянскому языку, о чем свидетельствуют сохранившиеся письма 1817–1823 гг. Марфы Иоакимовны к родителям» [2, с. 39]. В доме сохранялись национальные традиции воспитания и образования, интерьер комнат украшали армянские (эриванские) ковры, которые, конечно же, видел гость дома — лицеист Пушкин.

Род Марфы Иоакимовны принадлежал к графскому роду Лазаревых (Егиазарянов), известных благотворителей и промышленников. В XVII столетии они, как множество других армянских семей, приказом шаха Аббаса были переселены из Армении в Персию: шах был уверен, что армянский капитал и умелые руки армянских ремесленников будут способствовать расцвету экономики его страны. Один из Лазаревых с семьей покинул Исфаган и в 1750 г. переселился в Россию, а его потомок Еким (Оваким) Лазаревич основал в 1815 г. армянское училище, с которого началась история Лазаревского института восточных языков в Москве.

В свою очередь, и Екатерина II в 1778 г. инициировала переселение более 30000 христиан (армян и греков) из Крыма в Приазовье. Это решение, подрывавшее мощь Крымского ханства, вызвало возмущение последнего правителя Крыма Шахин Герая (Гирея). В конце концов Крым, Тамань и Кубань стали российскими владениями. И тогда, по изданному императрицей манифесту 1783 г., армяне и другие христианские народы смогли возвратиться в Крым.

В годы правления Екатерины II знаменитый полководец А. В. Суворов «взял на себя дело освобождения Армении от мусульманского ига, восстановления “армянской госу-

дарственности под протекторатом России” и переселения армян в различные области и города России ... Суворов совместно с Иваном Лазаревым и Осипом Аргутинским (Овсеп Аргутян) участвовал в разработке проекта о восстановлении армянской государственности и освобождении исторической Армении. В армянский круг лиц, с которыми русский полководец имел деловые контакты, входили представители армянской церкви (армянский католикос Симеон, архимандрит Петр Маркос, архиепископ Аргутинский, армянский патриарх в Иерусалиме Оваким Канакерци) и армянской знати» [2, с. 12–13].

Во время южной ссылки и путешествия по Крыму Пушкин был в дружеских отношениях с такими представителями армянского народа, как Артемий Худобашев (чиновник по особым поручениям при графе Воронцове), Григорий Захарян (архиепископ). Ближайший кишиневский приятель поэта Владимир Петрович Горчаков вспоминал об эпизоде чтения одного из первых южных стихотворений Пушкина — баллады «Черная шаль» (1820) в присутствии Худобашева. Как известно, в балладе повествуется об измене возлюбленной героя, прекрасной гречанки («неверную деву лобзал армянин»). «Пушкин смеясь,— пишет Горчаков,— начал мне рассказывать, как один из кишиневских армян сердился на него за эту песню» [11, с. 184]. Артемию Макаровичу Худобашеву к тому времени было лет пятьдесят, на вид он был кособокий коротышка с огромным носом. Этот старик увидел в пушкинских строках злую насмешку, но Артемия Макаровича убедили, что Пушкин в образе армянина имел в виду именно его и давал понять, что тот «действительно кого-то отбил у Пушкина» [1, с. 131]. Горчаков продолжает: «Ссора и неудовольствие между нами обыкновенно оканчивались смехом и примирением, которое завершалось тем, что Пушкин бросал Худобашева на диван и садился на него верхом (один из любимых тогда приемов Пушкина с некоторыми и другими), приговаривая: “Не отбивай у меня гречанок!” Это нравилось Худобашеву, воображавшему, что он может быть соперником» [11, с. 243].

Продолжавшиеся в начале XIX столетия войны длились со средневековья (XVI в.).

Южные рубежи России знавали немало военных кампаний (русско-турецкие войны 1568–1570, 1672–1681, 1686–1700, 1710–1713, 1735–1739, 1768–1774, 1787–1791, 1806–1812, 1828–1829 гг.; русско-персидские конфликты 1651–1653, 1722–1723, 1796, 1804–1813, 1826–1828 гг.). Желая еще раз посетить Кавказ, поэт 1 мая 1829 г. выехал из Петербурга на Юг без официального разрешения. Его интересовали события русско-турецкой войны 1828–1829 гг., увидеть войну воочию поэту было важно не сколько ради художественных впечатлений, сколько ради актуальной публицистической позиции. Особенности написанного на основе личных впечатлений «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» (1829–1835) косвенно указывают на то, что и в написанном до второй поездки на Кавказ стихотворении «В прохладе сладостной фонтанов...» образ эриванских ковров имеет смысловое задание, не чуждое публицистичности.

Как ни парадоксально, но это — публицистика особая, позволяющая согласиться с мыслью, что Пушкин как «поэт считал, что адекватная естеству мысль не тщится изобрести новую формулу познания ... специфика органического синтеза виднее всего в динамике, так и следует ее познавать: исток замысла, поэтапная проверка обстоятельствами жизни, прорастание эпического понимания из участка культурной деятельности, на котором оно осуществилось, во все явления, его поддерживающие» [12]. Пушкинский фрагмент об «эриванских коврах» как троп, безусловно, отсылает и к реалиям географии, и к биографическим фактам, и в то же время — к многослойной истории христианства. Все эти составляющие вживлены в суть понимания христианского мира, которое, благодаря пушкинскому началу мифа русской культуры, «растет как метонимическое целое» (формулировка Е. Ю. Третьяковой).

У великих гениев нет ничего случайного: слова, образы, характеры выверены и точны. Многие ценители пушкинской поэзии считали сердцевиной пушкинского художественного мира христианское воззрение [3]. В советское время об этом было говорить не принято, акцентировали в основном то, что «в 1830 г. Пушкин пробивался к художественному по-

стижению социальной сущности человека» [5, с. 326]. На основе проделанного анализа мы предложили бы существенную, на наш взгляд, поправку к этому сформулированному Г. А. Гукским постулату: социальная роль человека, по Пушкину, не идет вразрез с духовным обликом, а проявляет духовную сущность социума, предопределяя тем самым судьбу народов.

Думается, к возможности интуитивно уловить это Пушкин пришел гораздо раньше тридцатых годов, еще в период южной ссылки (1820–1824). Внимая многовековой истории, он сознательно ориентировался на сердцеви-

ну «духовного центра», именно такие константы скрепляли в единое целое словесную ткань всех его произведений.

Поэзии многое под силу — и эффект звучания («гремучий жемчуг стихов»), и умение нравиться, угождать («прозрачной лестии ожерелья»), и возможность лапидарно перелить многоликий человеческий опыт в «четки мудрости златой». Однако лишь законы вечной гармонии не рвут полотно жизни, связуя все нити «пестрого ковра» многовековым узором, который сам Пушкин оценивал сквозь призму Священной Истории христианства.

Anahit M. AMIRKHANYAN

The Cultural-Historical and Biographical Context of Pushkin's Stanza About "Erivan Carpets"

Abstract. Based on the material of the facts from the biography of the poet, the cultural-historical context of one of the important motive lines of the poem "In the Cool of the Sweet Fountains. . ." by Alexander Pushkin first published in 1911 is interpreted. Previously, researchers addressed the issues of the recipient of the work, of textual features of the draft manuscript, but the line about "Erivan carpets" remained unexplained. The author of the article cites evidence (geographical, cultural, religious, ethnographic biographical components of the meaning) confirming Pushkin's choice in favor of the epithet "Erivan" in the line "As Erivan carpets. . ." of the fourth stanza of this poem. Among friends and acquaintances close to the poet during the lyceum years, then during his exile to the south and during the writing of the poem "In the Cool of the Sweet Fountains. . .", there were prominent figures of Armenian descent in the cultural circles of the capital city. They became the national pride of the Armenians, clearly showed themselves in Russian history by faithfully serving for the good in the Russian Empire. The epithet "Erivan" is the geographical and historical reference to the motive of centuries-old traditions of wisdom, feasts of the spirit and the mind. The motive was part of the key figurative and semantic lines of the poem. The author of the article reveals the publicism of this line significant for the genre of the fragment: the multi-layer, semantically important reference to events associated with the name of the first patriarch of the Christian world Gregory the Illuminator, with the ancient history of Armenia, the world's first Christian country, in which the Christian faith became the state religion in 301. Erivan was the capital of the state which had more than 2.5 thousand years of history at the time Pushkin wrote his poem. The poet repeatedly convinced himself of the loyalty, nobility, a high degree of giftedness of the Armenians persecuted since ancient times because of their faith and religion. In the Armenian circles of Pushkin, both in the capital and in Armenia Maritima ("Maritime Armenia", that is in the Crimea), there were highly educated people. In the Abameliks' house, the young poet witnessed that, despite the ordeals, the Christian Armenian population created and built, preserved its identity and national traditions, native language and faith; thus they brought enlightenment and culture to the world, strengthened the economic and military power of Russia. This is evidenced by archival documents, essays, drafts and manuscripts, letters, memoirs and diaries of the poet's contemporaries. In his works, Pushkin appealed to the images that came from Armenian culture. In the dynamics of the meanings of "In the Cool of the Sweet Fountains. . .", the line about "Erivan carpets" is the synthesis of creativity and history as the understanding of the epic of the centuries-old components of the integrated artistic picture of the Crimean plot organic for Pushkin.

Keywords: A. S. Pushkin's lyrics of the 1820s, Lyceum period, exile to the south, circle of the poet, D.S. Abamelik's family, Oriental motives, Erivan carpets, Christian context, cultural history of the Crimea.

Использованная литература:

1. Амирханян М. Д. Россия и Армения. Очерки русско-армянских литературных отношений. Часть 1. Ереван: Асогик, 2003. С. 127–155.
2. Амирханян М. Д., Амирханян А. М. М. Ю. Лермонтов и армянский мир. Ереван: Лусабац, 2014.
3. Булгаков С. Н. Жребий Пушкина // ОК's Nest. URL: <https://www.magister.msk.ru/library/philos/bulgakov/bulgak18.htm> (дата обращения 11.04.2019).
4. Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: ГИХЛ, 1957.
5. Измайлов Н. В. Мицкевич в стихах Пушкина (К интерпретации стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов») // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л.: Наука, 1975. С. 125–173.
6. Казарян М. Армянские ковры. М.: Советский художник, 1985.
7. Кравцова М. В. Княжна // Первые Лазаревские чтения по истории армян России / Ред.-сост. Э. Е. Долбакян. М.: Теревинф, 2003. С. 108–130.
8. Мешков В. А. Пушкин и поэты Востока в стихотворении «В прохладе сладостной фонтанов...» // Вопросы русской литературы. 2016. № 1–3. С. 14–20.
9. Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.
10. Смирнов А. А. Лирика А. С. Пушкина 1826–1830 гг. // А. С. Пушкин. Школьный энциклопедический словарь / Сост. В. Я. Коровина, В. И. Коровин. М.: Просвещение, 1999.
11. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1985.
12. Третьякова Е. Ю. Пушкинская модель журналистики: структура, культурологическая стратегия и практика просвещенных реформ печати: автореф. дис. докт. филол. наук. Краснодар, 2010.
13. Щеголев П. Е. Пушкин. Исследования, статьи и материалы: в 2 т. Т. 2. М.; Л.: ГИХЛ, 1931.
14. Philip D. Curtin. Cross-Cultural Trade in World History. New York: Cambridge University Press, 1984.

References:

1. Amirkhanyan, M.D. (2003) *Rossiya i Armenia. Ocherky russko-armyanskikh literaturnykh otnosheniy* [Russia and Armenia. Essays of Russian-Armenian literary relations]. Vol. 1. Yerevan: Asoghik.
2. Amirkhanyan, M.D. & Amirkhanyan, A.M. (2014) *M.Yu. Lermontov i armyanskiy mir* [M.Yu. Lermontov and the Armenian world]. Yerevan: Lusabats.
3. Bulgakov, S.N. (n.d.) *Zhrebiiy Pushkina* [The Fate of Pushkin]. *OK's Nest*. [Online] Available from: <https://www.magister.msk.ru/library/philos/bulgakov/bulgak18.htm>. (Accessed: 04.04.2019).
4. Gukovskiy, G.A. (1957) *Pushkin i problemy realisticheskogo stilya* [Pushkin and problems of a realistic style]. Moscow: GIKhL.
5. Izmaylov, N.V. (1975) *Ocherky tvorchestva Pushkina* [Essays on Pushkin's works]. Leningrad: Nauka. pp. 125–173.
6. Ghazaryan, M. (1985) *Armyanskie kovry* [Armenian carpets]. Moscow: Sovetsky Khudozhnik.
7. Kravtsova, M.V. (2003) *Knyazhna* [Princess]. In: Dolbakyan, E.Ye. (ed.) *Pervye Lazarevskie chteniya po istorii armyan v Rossii* [The first Lazarev readings on the history of the Armenians of Russia]. Moscow: Terevinf.
8. Meshkov, V. (2016) A. Pushkin i poety Vostoka v stikhotvoreniy "V prokhlyade sladostnoy fontanov" [A. Pushkin and poets of the East in the poem "In the cool of the sweet fountains"]. *Voprosy russkoy literatury – Issues of the Russian Literature*. 1–3. pp. 14–20.
9. Pushkin, A.S. (1977–1979) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: In 10 vols]. Leningrad: Nauka.
10. Smirnov, A.A. (1999) *Lirika A.S. Pushkina 1826–1830-kh godov* [Pushkin's lyrics of 1826–1830s]. In: Korovina, V.Ya. & Korovin, V.I. *A. S. Pushkin. Shkolnyy entsiklopedichesky slovar'* [A.S. Pushkin. A school encyclopedic dictionary]. Moscow: Prosveshchenie.
11. Vatsuro, V.E. et al. (eds) (1985) *A.S. Pushkin v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 t.* [A.S. Pushkin in the memoirs of contemporaries: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
12. Tretyakova, E.Yu. (2010) *Pushkinskaya model' zhurnalistiki: struktura, kulturologicheskaya strategiya i praktika prosveshchennykh reform pechati* [Pushkin's model of journalism: structure, cultural strategy and practice of the enlightened reforms of printing]. Abstract of Philology Dr. Diss. Krasnodar.
13. Shchegolev, P.E. (1931) *Pushkin. Issledovaniya, stat'i i materialy: v 2 t.* [Pushkin: Research, articles and materials: In 2 vols]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: GIKhL.
14. Curtin, P.D. (1984) *Cross-Cultural Trade in World History*. New York: Cambridge University Press.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Амирханян, А. М. Культурно-исторический и биографический контекст пушкинской строфы об «эриванских коврах» [Электронный ресурс] / А. М. Амирханян // Наследие веков. – 2019. – № 2. – С. 45-51. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Amirkhanyan.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Amirkhanyan, A. M. (2019) The Cultural-Historical and Biographical Context of Pushkin's Stanza About "Erivan Carpets". *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 45-51. [Online] Available from: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Amirkhanyan.pdf (Accessed: dd.mm.yyyy). (In Russian).